

ПАМЯТИ ЖЕРТВ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

„КАНИКУЛЫ“ ДЛИНОЙ В 18 ЛЕТ

В одной из наших бесед Николай Николаевич сказал: «Может быть, рассказ мой будет излишне длинным, но тогда сокращайте что угодно обо мне, только не о других. Как знать, а вдруг у нас в институте учатся родственники тех людей, о которых я вспоминаю. Ведь, если бы я прочел хоть строчку об отце, я бы на край света поехал, только бы что-нибудь узнать о нем.»

В десять—отбой, в шесть—подъем. В десять минут одиннадцатого за мной приходили на допрос и без пятнадцати шесть приводили обратно. Так ровно две недели. Били. «Следствие располагает данными... член террористической организации... добровольно сознайтесь...»

Одну ночь на допрос меня не повели, а посадили в фанерный ящик (бокс) 70×70 см, который вплотную примыкал к кабинету следователя. А там всю ночь допрашивали женщину, как ее били! Каких только изощренных ругательств не было! Она, видно, потеряет сознание, ее обольют, и снова, и снова. Мне казалось, что я дойду до сумасшествия. С этого дня у меня начались обмороки.

Тем временем подсадили ко мне в камеру троих. Люди были очень разные, и бывали у нас дискуссии вот, например, такого плана. Я на допросах ни в чем «не сознавался». И один из моих сокамерников заведующий кафедрой Томского университета профессор Иванов говорит мне:

— Коля, мы тут все старики, и нам уже терять нечего, но ты еще очень молод и твоя первая задача — выжить, поэтому сознавайся, сознавайся во всем.

Второй — Мирошкин — профессор Тимирязевской Академии, член Саратовской коммуны 1903 г., уговаривая меня признаться, мотивировал это совсем по другому.

— Николай, — спрашивает он, — тебя кто допрашивает?

— Как, кто? Следователь.

— Нет, я не о том; очевидно же, член партии?

— Безусловно!

— Так значит, партии это нужно, значит, ты должен сознаться. Ты же должен помочь партии.

— Да не слушай ты их, — нашим третьим товарищем был Сейфулло Абдулаев, наркомзем Таджикистана, на допросы его носили на шинели, вставлять

он не мог, — твой отец никогда бы не сказал неправды, и ты помни первую заповедь большевика — всегда говорить только правду. На следующий день его унесли, а вскоре забрали его вещи.

Потом я опять сидел один, кого-то приводили, уводили, многих уже не вспомню. Как-то в апреле привели ко мне старичка, лысенького, небольшого роста. Александр Львович Киришон, член коллегии защитников Ленинграда. Его сын, писатель Киришон, секретарь Союза советских писателей, был арестован и, по слухам, переведен в Лефортовскую тюрьму. Ну, а Лефортовская тюрьма, это та тюрьма, из которой все освобождают. Александр Львович поехал туда. «Я член коллегии защитников и хочу видеть заключенного Киришона». Его пропустили. Пять часов он прождал в тюремном коридоре, а потом ему предъявили ордер на арест.

Однажды привели высокого, статного мужчину в синей толстовке, с усами, такими же, как у английских рабочих, которых в те времена рисовали на плакатах. Он сказал, что он председатель концессионного комитета при Совете народных комиссаров, член организационной пятерки Красной Армии, Машковский или Матковский. Его перевели из Лефортовской тюрьмы, там он сидел с товарищем, который сидел с моим отцом. Говорил, что допросы были очень тяжелые, но отец всегда старался поддерживать в камере оптимистическую нотку. Например, когда разгорались политические споры, отец говорил: «Да бросьте, вы! Давайте я лучше вам расскажу об украинской национальной кухне». И рассказывал, к какому празднику какое блюдо готовится. Для меня это было очень важно — практически единственная весточка об отце. Оказывается, я носил ему передачи уже тогда, когда его не было в живых.

Мой собеседник поведал мне еще одну трагическую историю. К нему в камеру привели командарма Алксниса Я. И. — начальника ВВС РКК, зам. наркома обороны по авиации. Привели его со всеми регалиями, с орденами, со знаками отличия, через 15 минут пришли, срезали все, а еще через 15 минут увели на допрос. Через четыре часа его принесли с допроса с переломами рук, ключи и ребер, и он сказал Машковскому: «Если кого увидите, передайте, что через четыре часа я подписал все, что от меня требовали.»

Но вдруг в следствии все кардинально изменилось. Моим следователем стал Владимир Лавренко из Чернигова. На первом же допросе он заявил: напишу я показания или нет, в любом случае мне дадут 5 лет лагерей. На допросах он все ночи читал, а я сидел и дремал в углу.

В марте после окончания следствия меня вызывают: за недостаточностью улик Военная коллегия Верховного суда ваше дело к рассмотрению не принимает. Расписался я на этой бумажке, а через несколько дней мне объявили решение особого совещания при наркомате внутренних дел: осужден на пять лет лагерей за контрреволюционную деятельность (КРД).

Вообще, пока велось следствие, никаких документов мне не показывали. Свое дело я увидел только в 41 году, когда меня судил трибунал. Оказалось, что формальным поводом для моего ареста послужил доклад Амосова, нет, не Кольки, его дяди. Тетрадный листок: по словам моего племянника, Николая Амосова, в их террористическую группу входил Демченко Николай Николаевич.

Этапная камера находилась в подвале тюремной церкви. Нас было 180 человек. Как только приводили новую группу, сразу начинались распри: как, за что, сколько. 10, 15, 20... И вот, входит профессор математики:

— Батя, а тебе сколько?

— Да, я вообще-то очень рад. Понимаете ли, мне 82 года, а Советская власть мне гарантировала еще 10 лет жизни.

Самая драматичная история здесь была с Рабиновичем и двумя Шмулями Шапиро. Рабинович был арестован за контрабанду. На следствии его заставили признаться и в том, что он троцкист. На допросе он сказал, что у него был сообщник — Шмуль Шапиро, которого немедленно разыскали, и состоялась очная ставка. Но Рабинович не знал этого человека. Через две недели ему устроили еще одну очную ставку. Но и этого человека Рабинович видел впервые. «Ты нам брось голову морочить, больше в Тирасполе Шмулей Шапиро нет!» — заявил следователь. И Рабинович получил семь лет за контрабанду, а два Шмуля Шапиро (просто так) по десять лет за контрреволюционную деятельность. Эта история еще имеет свое продолжение, но о ней речь впереди.

5 мая нас отправили в этап.

Привезли на запасные пути Павелецкого вокзала. Вокруг эшелона охрана. На крыше паровоза и последнего вагона по пулемету, и конвой принимает арестованных. На каждого дело, пакет: фамилия, статья, срок и в вагон. Вагоны телячьи, внутри по трое нар. Вдруг подбегает эмка. Из нее выходит лейтенант с красноармейцем и мужчина в брезентовом плаще, в руке у него наволочка с вещами. Красноармеец подводит его к нам и подает пакет начальнику конвоя. Начальник спрашивает: статья, срок. Мужчина растерянно пробормотал: «Какая статья? Ка-

кой срок?» «Ах, вашу мать, все вы не знаете ни статьи, ни срока!» «Да вот, вам лейтенант скажет, меня же только что из дому привезли, я ничего не понимаю...» «Ах, — начальник махнул рукой и прочел вслух, — 10 лет за контрреволюционную деятельность, постановление подписано 12 декабря 1937 года» (а происходит все 5 мая), то есть уже пять месяцев, как человек, сам того не ведая, осужден на 10 лет.

Мы прибыли в Караганду. Командант пересылки, длинный, тощий Вениамин, всех выстроил: с одной стороны мужчины, напротив женщины. И, засунув руки в карманы галифе, медленно прошел мимо них, оглядывая каждую: «Ну, вот что, чтоб я от вас таких-то и таких-то слов не слышал». И выложил все, какие только есть ругательства, весь набор. На этом он свое напутствие и закончил.

Здесь мы пробыли две недели. Через две недели этап. Подогнали арбы, сложили на них вещи, и 60 километров мы шли по Казахстанской степи. 23 мая, в день моего 19-летия, нас привели на третий лагпункт Карлага. Два барака — мужской и женский — и маленькая будочка: там только начальство и конвой. Разбили на бригады. Бригадиром ребята выбрали меня.

Сам Карлаг был в диаметре 250 километров — Карагандинский исправительно-трудовой женско-инвалидный лагерь. Он был создан для снабжения Караганды сельскохозяйственной продукцией.

На следующий день нас отправили полоть просо — норма 0,7 га. Трудовой день 10 часов. Проработали день, и на 30 человек выполнили всего 6 норм. Больше чем по рублю каждый остался должен. Второй день, третий день — то же самое. Больше выработать было просто невозможно. И тогда я решился на первую в моей жизни взытку. Таня, когда собирала вещи, положила мне ковбойку. Отец ее привез из Германии. И в то время это было совершенное новшество — на молнии. Красивая такая была ковбоекка.

Нашим агротехником был рессивист в прошлом, который в лагере окончил техникум, Иван Рябченко. И вот, я снял эту ковбойку, на следующий день в поле ему сунул, и все в порядке, после этого у нас стопроцентная выработка.

Через некоторое время меня перевели на полив, потом работал трактористом. И вот, как-то раз во время работы вижу на горизонте появляются две фигуры — стрелок и сменщик: «А ну, давай, слезай с трактора, пошли». Собрали нас, молодых ребят, человек восемь (тут и мой друг Игорь, и Мулька Мороз, и даже две 14-летние девочки были среди нас, Лора Могильная, она была сослана в лагерь без срока, и Цилька Райнер, ей дали статью 58, п. 12 — недоносительство: отец ее был начальником Военно-медицинского управления Красной Армии, и она не донесла на отца, что он враг народа), отправили всех на центральный пункт и посадили под конвойку. Мы возмущались, ведь были уже почти полтора месяца без конвоя, и вдруг опять. Я как бригадир говорю: «Ребята, на работу не выходим!» Ротный наш посоветовал: «Если вы на работу не пойдете, значит — карцер. Давайте, хоть цветы полейте, я доложу, что вы работали в зоне». А вдоль колючей проволоки в три ряда были посажены петунии. Мы согласились, полили, а вечером решили, что завтра и цветы не пойдут поливать. Один день не вышли — в карцер не сажают, второй день не вышли — в карцер не сажают. А в лагере был оперотдел. Вот, на третий день приходит Кум (как

мы их называли), бритый плотный сержант Макеев. Мы лежим на нарах.

— Ты Демченко? Когда ты свою банду на работу поведешь?

— Когда мы будем «без свечки» (без конвоя).

— Ну, а если расконвоирую, пойдешь?

— Пойдем, мы же работали.

— Пошли, собирайте свои вещи.

Вывел нас с этой зоны и привел в другую, огромную, где были бытовки и все остальные службы.

С этого дня я работал в ремонтной мастерской слесарем. Комбайны переводили на резиновый ход. Для это мы устанавливали на оси трехпудовые ступицы. И Мулька с Игорем первое, что сделали, уронили мне на ноги эту ступицу. Ну, сначала еще можно было жить, а зимой, когда меня перевели работать молотобойцем, очень плохо стало с ногами, и мне запретили физическую работу. Стал работать художником в КВЧ (культурно-воспитательная часть). Выпускал стенгазеты, писал объявления.

Между лагпунктами проходило соревнование — каждый лагпункт должен был представить диаграммы, различные схемы. Мой начальник КВЧ отдавал мне их, и я делал все в точности, как у него. А в одной из диаграмм было написано: «Школа безграмотных». Я так и написал. После этого ему начальство нагоняй устроило, а мне трое суток карцера. А карцер — это ужасная штука, клопов в карцере было видимо-невидимо, даже в четырех метрах от барakov электрические столбы все сплошь были облеплены клопами. В общем, это означало трое суток совсем не спать.

Отсидел я свои трое суток, возвращаюсь в барак. По дороге встречаю Ашера Гримберга, заведующего пекарней:

— Слушай, Николай, ты что опять в КВЧ пойдешь работать?

— Ни в коем случае.

— Иди ко мне кочегаром на пекарню.

Я согласился, вышел в ночную смену. Проработал ночь, а утром приходит мой начальник КВЧ и говорит: «Иди на работу». «На какую работу? Я ночь проработал в пекарне». «Кто разрешил?» «Пошел, да и проработал. Я у тебя больше работать не буду, у такого доброго». Мне еще пять суток карцера за самовольный переход с работы на работу. Но все равно я так и остался работать на пекарне. Через два месяца я стал тестомесом, еще через пару месяцев мастером. Этот лагерь был для меня хорошей школой жизни. Кем я только здесь не работал. Потом опять, поливщиком, потом сдал экзамен на агротехника полива, потом на техника полива. Было даже такое, что капусту шинковал, 40 чанов по 9 тонн каждый!

Вообще, конечно, в том, что в этом лагере были такие условия, в частности, для нас, детей бывших ответственных работников, огромная заслуга начальника лагеря Журавлева. Бывший заместитель наркома Ягоды, именно он создал для нас эти очень хорошие условия, например, чтобы мы все могли получить какую-нибудь специальность, и многое, многое другое. Потом его арестовали и расстреляли, но пока он был начальником лагеря, это был самый лучший лагпункт в Карлаге — промышленный огород.

Но вот, в октябре 40 года на лагпункт приходит телефонограмма:

«Выслать в Москву на личные переговоры Демченко Н. Н. Подпись: Л. П. Берия».

Записала Н. ЖУРАВЛЕВА.
Фотокопия В. МАКАРОВА.

Уважаемые читатели, следующую часть воспоминаний Н. Н. Демченко вы сможете прочесть в № 38 «Менделеевца».

„БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТΙΑ“

● Вас ждет дискуссионный клуб для преподавателей и сотрудников «Диалоги»

Уважаемые товарищи!

В нашем институте начинает работу дискуссионный клуб для преподавателей и сотрудников «Диалоги». На заседаниях клуба будут обсуждаться актуальные проблемы экономической, политической, духовной жизни страны. В его работе примут участие видные экономисты, философы, писатели, общественные деятели.

Организаторы клуба руководствуются убеждением, что время преимущественно гневных обличений, шумного митингования, эмоциональных оценок миновало. Необходимо с разумных позиций разобраться в прошлом страны, ее сегодняшних проблемах, рационально осмыслить свое место в перестройке и свою действительную роль в ней. Поэтому девиз клуба «Sine ira et studio» — «Без гнева и пристрастия». Обсуждения будут вестись по самым ключевым проблемам, их форма — свободная. Но какими бы острыми ни были обсуждаемые вопросы, правление клуба настаивает на следующих принципах:

— обсуждения должны проходить в обстановке уважения друг к другу, которого не исключает никакая, даже самая острая критика; совершенно недопустимы в диалогах личные выпады, приклеивание ярлыков;

— диалоги должны быть свободны от национальных, политических, философских амбиций, закрывающих путь рациональному поиску истины.

Если вы разделяете позицию правления клуба, станьте его участниками! За визитными карточками члена клуба обращайтесь к:

- С. А. КЛИШИНОЙ (партком),
- Т. В. ГУСЕВОЙ (кафедра экологии),
- Н. И. ЖУРАВЛЕВОЙ (кафедра политической экономии),
- Е. М. КАЛЛО (кафедра русского языка).

Сегодня комсомол ищет, как ему жить дальше, как вернуть потерянный авторитет, стать подлинным проводником интересов молодежи. Есть несколько точек зрения на этот вопрос.

Суть одной из них заключается в создании альтернативной комитету ВЛКСМ своего рода неформальной группы студенческой молодежи. Конкурируя с комитетом, она будет привлекать к себе молодежь и тем самым заставлять комитет бороться за свою организацию, за каждого человека. Эта идея хороша там, где такая неформальная организация уже есть, где же ее нет, придумывание ее «сверху» не даст, по моему, никакого эффекта.

Другая идея заключается в создании сильных комсомольских органов, способных провести «чистку» комсомольских рядов. Таким образом улучшится качественный состав комсомола, повысится эффективность комсомольской работы. Но в этом варианте возможны перегибы, необоснованные исключения, что вызовет еще больший отрыв молодежи от комсомола.

Что касается нашей факультетской организации, которая отличается небольшой численностью, то, по моему, сейчас необходимо решить две задачи. Во-первых, во всех группах выявить лидеров — ведь не секрет, что секретари групп, курсов, да иногда и члены комитета не всегда являются истинными лидерами молодежи. Задача комитета — заинтересовать этих людей, повернуть лицом к решению молодежных проблем.

КОМСОМОЛ ФАКУЛЬТЕТА: МОДЕЛЬ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Вторая, на мой взгляд, задача — это избавление от случайных людей в комсомоле, в том числе от так называемых «выбывших без снятия с учета». Делать это надо крайне осторожно и через группы, в которых друг друга хорошо знают.

При таком подходе в сочетании с развитием демократии, гласности, с открытыми обсуждениями важнейших вопросов жизни страны, в сочетании с практическими делами (ССО, НИРС, организация досуга и т. д.) возможно укрепление позиций факультетского комсомола. Каждый из этих вопросов нуждается в отдельном рассмотрении, ведь мы еще только учимся демократии, да и гласности на факультете тоже предстоит развиваться.

Но я хочу остановиться здесь на другой теме, а именно: на структуре нашей организации. Существующая сейчас структура представляет собой иерархическую систему без обратной связи. Нам как инженерам известно, что такие системы консервативны и не могут быстро приспосабливаться к изменению обстановки. В наше время ситуация изменяется так быстро, что комсомольские органы отстали от требований времени примерно так же, как наша бытовая техника от японской.

Одним из возможных способов реализации обратной связи является создание следующей структуры. Во главе комсомольской организации факультета стоит комитет комсомола, состоящий из секретариата, то есть секретаря и пяти его заместителей по направлениям (оргблата, идеологическая работа, ССО, учебная работа, работа в общежитии), и пятнадцати членов комитета, которые одновременно являются комсоргами-лидерами учебных групп. Все наиболее важные решения принимает этот комитет, в том числе дает заключение о работе секретариата. Секретариат организует выполнение решений комитета. Главным документом, которым необходимо руководствоваться комитету, является постановление комсомольского собрания и конференции факультета. При условии, что комсорги будут действительными лидерами и выразителями интересов групп, такая структура дает обратную связь, улучшает информированность и вовлечение комсомольцев в решение важнейших вопросов студенческой жизни.

О. СВЯТЕНКО, К-53.

1664 ОЧКА И 1 МЕСТО!

В конце октября сборная команда института по пулевой стрельбе показывала свое искусство. Соревнования проходили в тире кафедры доцента Г. Н. Жаворонкова в течение пяти дней.

На финишную прямую по стрельбе из винтовки вышли: студент В. Погребский (К-31), А. Кожаметова (П-45), Г. Подгребельная (Н-31), Д. Савин (И-24).

Лидер по сумме набранных очков — В. Погребский (289). Чуть меньше выбили А. Кожаметова — 286, Г. Подгребельная — 286, Д. Савин — 279. Общий итог — 1664 очка. На втором месте МАТИ — 1542 очка.

В итоге команда винтовочников заняла первое место в Свердловском районе, за что награждена Свердловским РК ДОСААФ дипломом I степени.

Чуть хуже выступили стрелки-пистолетчики — Е. Ткаченко (П-23), А. Хачатрян (П-23), С. Дьяков (П-21). У этой команды в итоге второе место. Однако А. Хачатрян занял первое место в районе в личном зачете.

Стрельба из малокалиберной винтовки и пистолета требует от спортсменов предельного внимания и напряжения физических сил. Благодарим студентов за этот нелегкий труд.

В. ПЕТРОВ, член парткома, ответственный за военно-патриотическую работу.

28 ноября 1988 г. состоялась отчетно-выборная конференция профсоюзной организации студентов. После выступления председателя профкома А. М. Дубровина с отчетным докладом и прений работа профкома за отчетный период была признана удовлетворительной.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПРИНЯЛА ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

● Смотр-конкурс учебных групп проводить на факультетах, подводя итоги 2 раза в год. 3 лучшие группы премировать поездками по городам СССР.

● Профком и администрации усовершенствовать систему расходования 4% премиального фонда, разрешить оплату из него туристических и экскурсионных путевок, приобретение сувениров и подарков для награждения студентов.

ВЫВОД: СПОРТКЛУБ НЕ РАБОТАЕТ

С момента создания нашего факультета я был назначен заместителем декана по спортивно-массовой работе. С тех пор прошло много времени, но неуклонно и верно факультет КХТП продвигался вперед, и вот уже в течение 8 лет не имеет поражений в соревнованиях спартакиады института по многим видам спорта, занимая общее I место.

В чем мне видится корень успеха? В том, что спортсмены, защищавшие честь факультета, очень серьезно относились к своим выступлениям. А ведь если вдуматься, то в таком маленьком коллективе, как на КХТП, многим из них приходилось соревноваться в нескольких видах спорта. В этом преуспела, как мне хорошо помнится, группа, куратором которой был А. А. Дудоров. В конечном итоге она получила вымпел ЦК ВЛКСМ за постановку спортивно-массовой работы. Нужно еще учитывать, что наши спортсмены, такие, как Н. Зубарев, О. Чеботарева,

ПРИНЯТО ПОСТАНОВЛЕНИЕ

● Ректорату при составлении учебных планов предусмотреть не более 5 экзаменов в сессию без вынесения экзаменов на время семестра (за исключением государственных экзаменов).

● Перевести Клуб МХТИ на самостоятельный баланс, обеспечить полноценное использование КСК для культурного досуга студентов.

● Дирекции студгородка выделить помещение для организации пункта проката спортивного инвентаря, спортклубу обеспечить закупку спортивного инвентаря.

● Продолжить реконструкцию спортивного лагеря МХТИ,

совершенствование его материально-технической базы. Развивать студенческое самоуправление, повышая роль совета лагеря.

● Открыть диетическую столовую в профилактории МХТИ, расширить сеть процедурных кабинетов.

● Назначить надбавки (30 руб. в месяц) к стипендии студентам, имеющим 2 детей, 20 руб. — имеющим одного ребенка, из фонда материальной помощи.

● Отказаться от практики распространения марок добровольных обществ через профсоюзную организацию.

ния о былом. Еще копошатся туристы. Все остальное на нуле. Считаю, что пока не будет различных соревнований внутри факультета, до тех пор спортивно-массовой работы не будет тоже. Это база не только нашего факультета — это база всего института. И такое положение сложилось несмотря на то, что появился еще один спортзал в КСК. Вывод — нет работы спортклуба.

Следующий момент — расписание занятий. Оно настолько несовершенно, что просто диву даешься: факультеты перемешаны; занятия спланированы на 2 дня подряд, пятый курс вместе со вторым или вторым с третьим. Я предлагаю составить новое расписание, не допускающее таких накладок и предусматривающее окончание занятий по физическому воспитанию не позднее 16.00, чтобы освободить спортзал для спортивно-массовой работы и для работы со спортсменами. Мне кажется, что в разработке такого графика могут помочь наши математики и кафедра вычислительной техники.

Ю. ФЕТИСКИН, кафедра физвоспитания (по материалам стенгазеты «Алгоритм»)

Наталья ЧИРКОВА

Накануне тяжелого дня
Вознеси в чистый сон меня,
осень,
Выше строго очерченных сосен,
К ветру, чтобы незримо обнял,
У меня чтобы выкрал меня
И, сорвав поминальные листья,
Закружил у рябиновой кисти,
И шурша, и шелча, и звеня,
Я — осинный желтый листок.
Тихо падаю, осень вдыхаю,
И скольжу средь озерных осок.
Вдохновеньем нельзя

задержать
Оголения тоненьких веток:
Терпким запахом бывшего лета
Уж недолго деревьям дрожать.
Взмах руки. Замирают леса
И дорога, и запах, и листья.
Дал бы Врубель таинственной кистью

Пряной краске застыть
в небесах...
Взмах руки. Я мазком
пригулилась
К бурой, теплой, шершавой
коре,

Но мелодия ветра манила,
Миг круша. И октябрь все
горел.

Взмах руки. Может, в музыке
есть
Повторенье последнего вздоха?
Если скрипки — похоже на
лесть,

Да и в клавишах чудится
грохот.
Накануне печальных минут
Я предстану в привычном

обличьи,
Но уже не смогу как обычно
Ставить осени слезы в вино.

И. о. редактора
В. Н. КУДРЯВЦЕВ